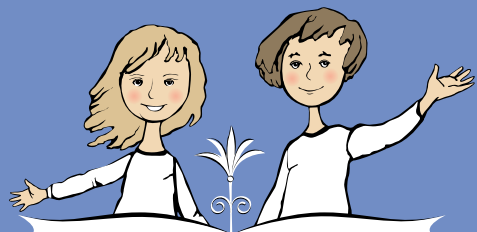

→ рассказы
сказки
стихи
биографии
знания
путешествия

Настя и Никита

детский проект журнала «Фома»

МАКСИМ ЯКОВЛЕВ

ПРОЩАЙ, ТЕРМИНАТОР!

Максим Яковлев

ПРОЩАЙ, ТЕРМИНАТОР!

Художник Мария Заикина

В этот день Настя и Никита, ребята с нашего двора, пришли с прогулки пораньше. И надо сказать, на это была причина: мама обещала прочитать им перед сном новую книжку. Придя домой, они наскоро умылись, выпили по кружке кефира, в общем, выполнили всё, что положено. А книжка-то уже на столе дожидается.

— Сегодня будем читать на кухне, — говорит мама, — а то у меня жаркое в духовке стоит.

Надо сказать, Насте и Никите всё равно, где им читают или рассказывают, потому что именно это занятие они любят больше всего на свете. Например, старший брат Володя несколько раз рассказывал им сказки в вагоне метро, а сестра Оля читала им книжку на крыше деревенского сарая, правда за это папа им немножко всыпал.

— Мне очень хочется, чтобы вы услышали то, о чём написано в этой книжке. Это история про одного мальчишку, точнее говоря, история, которую этот мальчишка рассказал о себе... и ещё о чём-то очень важном. Слушайте...

Прощай, Терминатор!

Однажды мои папа и мама объелись медовых пряников, и вскоре родился я. Меня назвали Игнатом, потому что в тот день, когда я родился, был сильный туман; казалось, что мира больше не существует, что от него остался лишь крохотный этот кусочек: часть деревянного дома, лавочка под окном да ветка старой груши. Отцу моему привиделся в клочьях тумана покойный прадед Игнатий. Он сидел на ветке груши в белой холщовой поддёвке, осеняя наше окно крестным знамением. Так мне было дано имя Игнат. Кроме того, мне были даны все мои достоинства и недостатки и то, что называют «черты характера», которые я не выбирал, но с которыми мне придётся как-то справляться. Мне предстояло раскрыть свой талант и не зарывать его в землю. Мне были даны игрушки, которыми я ещё не умел играть, а также друзья и враги, которые уже успели появиться на свет к этому времени и которым, в свою очередь, был дан я, хотя они об этом тоже вряд ли догадывались. Меня поджидали мои болезни, ушибы и ссадины... Но мне, помимо всего, была дана моя Родина, со всем её небом и снегом, с лесами и речкой за городом; мне, наконец, предназначены были дороги и приключения, ради которых я народился на этот свет, чтобы пройти их по возможности честно и до конца.

Я рос, и туман понемногу рассеивался. Когда я научился делать шаги, мир заметно расширился: он уже включал в себя соседскую клумбу, мамины грядки и сад с беседкой посередине, и границы его доходили до самой калитки. За калиткой проносились машины, но стоило ей открыться, как в ней обязательно появлялся мой радостный папа.

Когда я научился читать, туман отодвинулся ещё дальше, он стелился теперь где-то за окраиной, по холмам автомобильной свалки и по железной дороге. Я мог часами смотреть на дымку, в которую уходили рельсы и поезда. Мир становился всё шире и многолюдней, многие звали меня по имени, и я уже дорос до того, что ко мне могли обратиться с вопросом:

— Как дела, Игнат?

— Дела впереди! — отвечал я фразой, неизвестно откуда взятой мною, но всем она почему-то нравилась.

Зимой я сильно простудился, скатившись с откоса на речку и попав под лёд. Там было неглубоко, но пока я добежал до дома, вся одежда превратилась в настоящий панцирь и я ощущал себя

рыцарем, закованным по макушку в тяжёлые латы. Температура поднялась под сорок, так что несколько дней я ничего не помнил. Были только мамины руки, я всё время чувствовал их, они касались меня, гладили,

поили из ложечки, садились на лоб... Это было похоже на касание листьев, на крылья бабочки, на дыхание прохлады в палящий зной... Потом я почувствовал себя лучше, мама стала снова уходить на работу, и мне пришлось оставаться до вечера одному. Я добросовестно пил лекарства, они стояли у изголовья на столике, и не знал, чем бы стоило мне заняться. Компьютер уже не казался таким увлекательным и манящим, как раньше. Мне больше нравилось смотреть в окно и придумывать разные вещи... Что если изобрести маленький вездеход, такой сверхнадёжный, прочный, непобедимый, который будет угадывать мои желания и выходить из самых безвыходных ситуаций. Он должен быть очень уютным, примерно таким, как моя кровать, привезённая когда-то из Кунцева от дальних родственников: железная, с решётчатой гнутой спинкой. Да, именно такой ширины и такой длины будет мой вездеходик. Когда всё было продумано, я лёг на живот, накрылся с головой одеялом, оставив лишь узкую смотровую щель, и, стараясь не поддаваться волнению, скомандовал про себя: «Вперёд!»

Испытания прошли настолько успешно, что я не мог сдержать своего восторга! Вездеходик

слушался меня с полуслова: достаточно было подумать о непроходимой тайге или полярной пустыне, как он тотчас оказывался именно там, бесстрашно пробираясь по трясинам болот или ледяным торосам. Мне нравилось засыпать и просыпаться на его просторной тёплой лежанке, в нём я чувствовал себя в полной безопасности. Мы освобождали заложников, испепеляя огнём террористов; обездвиживали преступников и бандитов, превращая их вместе с оружием в каменных истуканов; мы спасали людей из-под развалин домов; прорывали в земле тоннели и отводили воду из затопленных районов и деревень. Труднее всего было с падающими самолётами. Вездеходик умел летать, но был слишком мал, чтобы удерживать на себе огромные лайнеры. Приходилось уплотнять разреженный воздух и срочно нагнетать горы снега. Самолёт падал в такой громадный сугробище и не разбивался, а плавно опускался и оседал на землю...

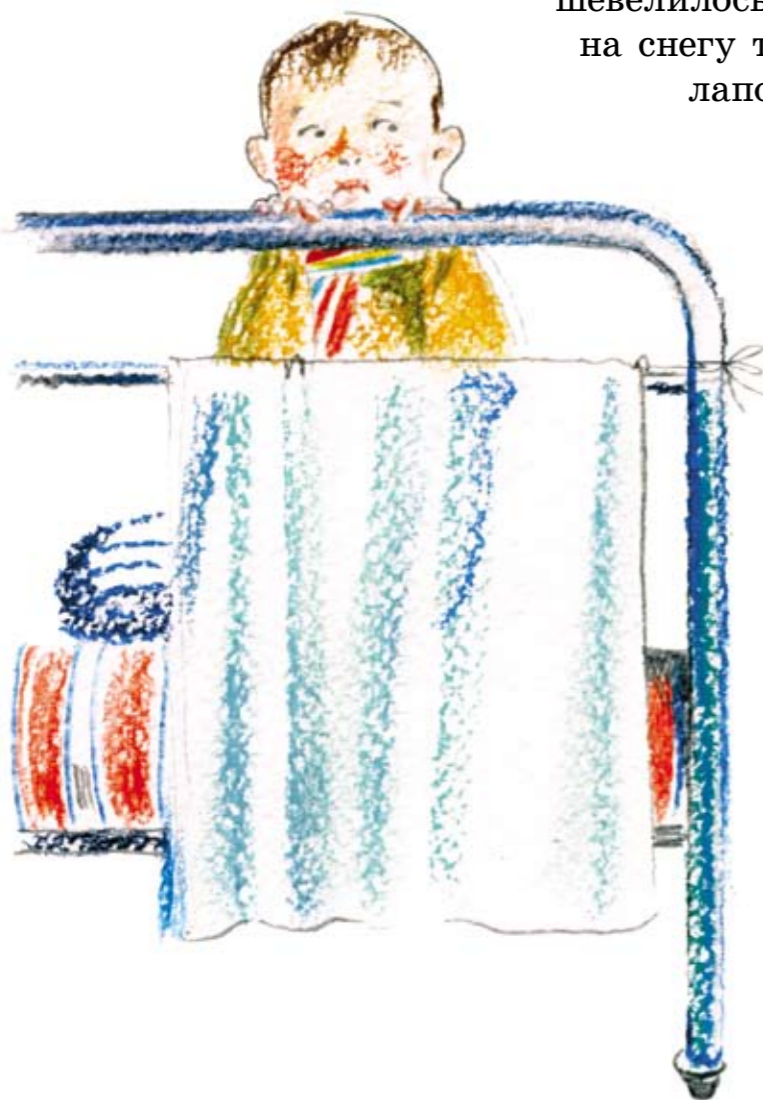
В общем, с вездеходиком всё получалось классно, но болезненный жар всё ещё бился в моих горячих висках и грудь разрывал грохочущий порох кашля.

Держась за спинку кровати, я смотрел в окно, меня всё больше увлекала новая, придуманная мною игра: я зажмуривал глаза, потом открывал их, пытаюсь обнаружить какие-нибудь изменения в том, что виделось мне из окна. А виделось не так уж и мало: угол сада, соседский сарай, накрытый брезентом старый «москвич» на кирпичках вместо колёс, забор, а за ним крыши разных домов и дач, железнодорожный мост над речкой и синь лесов. Изменения происходили совершенно неожиданно и волшебным образом. Ещё несколько секунд назад всё было как обычно, и вдруг появлялся на заборе кот или ползла через мост электричка. А то вдруг прямо на стекле я увидел новый морозный узор, которого раньше не замечал. Я увеличивал промежуток между открыванием глаз. Откуда-то взялся стоящий на воздухе человек с пилой. Это оказался рабочий в люльке подъёмника, он опиливал поломанные снегопадом ветви деревьев. Наконец я зажмурил глаза и принялся считать до тридцати семи. Не успел я досчитать до двадцати, как услышал крики каких-то ребят, громкий хохот и свист, рассекающий воз-

дух, — звук, похожий на запуск хлопушки. Но ничего не бабахнуло. Голоса пронеслись и затихли. Мне ужасно хотелось посмотреть, что же там произошло, но всё же заставил себя досчитать до конца. Открыв глаза, я не заметил никаких перемен. Если не считать, что с веток яблонь кое-где осыпался снег, всё остальное было по-прежнему. Те же сугробы, дорожка, забор, те же ржавые

бочки вверх дном под белыми шапками... Мне показалось, как в темноте между бочками что-то зашевелилось. Скоро я был потрясён увиденным: на снегу трепыхалась ворона с отрубленной лапой, похожая на раненого вождя индейцев. Припадая на обрубок, она сделала несколько шагов и встала, пятная снег кровью. На шее её была затянута проволока, за которую её, видно, и перекинули через наш забор. Тело её сотрясалось от дрожи, но клюв был гордо вздёрнут. Она замерза-

ла. Судя по всему, это были её последние минуты в жизни. Ворона подёргивала головой, пытаясь освободиться от проволоки, но больше всего поражало то несгибаемое мужество, с которым она держалась, стараясь изо всех сил утвердиться прямо и не упасть, словно решила умереть только стоя. Трудно было смотреть на это, но ещё труднее было бы не смотреть... Я не знал, что делать, снял трубку и позвонил папе.

- Там ворона... — у меня не хватало слов.
- Так, — сказал он.
- У неё отрезана лапа, она умирает!
- Плохо дело.

— Мне жалко её!
— Чего же ты хочешь?
— Но я не могу её спасти!
— Почему?
— Я больной!
— С каких это пор болезнь была помехой добру? Не теряй времени, потом перезвонишь.

Так в моей жизни появилась ворона.

Выяснилось, что у неё к тому же перебито крыло. На культю наложили мазь и забинтовали. Ворона вела себя отстранённо, не оказывала сопротивления и даже не пыталась встать. Её поместили в большую коробку из-под телевизора, в которую до этого собирали мои игрушки. Все перевязки ворона переносила удивительно стойко, не размыкая век, наверное оттого, что не желала больше смотреть на ненавистное человечество. Мы как могли старались облегчить ей страдания: я помогал маме накладывать повязки, закапывать в клюв лекарство, а папа ломал голову над изобретением для неё протеза.

На третий день у вороны наконец приоткрылись веки, а я неожиданно быстро пошёл на поправку. Мне разрешили вставать и ходить по комнате, и теперь почти всё своё время я посвящал вороне. Она недоверчиво присматривалась к окружающей обстановке, но уже позволяла мне гладить себя по голове и трогать за клюв.

За обедом папа вдруг улыбнулся и сказал:

— Я придумал ей лапу.

Действительно, в тот же день наша ворона гордо расхаживала на протезе, отлично сработанном из старой алюминиевой вилки.

— Как я сразу не догадался! — смеялся папа.

И всем было радостно, включая ворону. Протез ей очень понравился, искусно загнутые зубья вилки были точной копией птичьей лапы. Она быстро научилась им пользоваться и часто чистила клювом свои

алюминиевые когти. Теперь, когда у неё портилось настроение или надо было лишний раз обратить на себя внимание, она начинала стучать своей алюминиевой лапой по каким-нибудь металлическим или стеклянным предметам. Чаще всего она пользовалась для этого фарфоровой вазой для цветов и старинной металлической карандашницей, поднимая невыносимый перезвон во всём доме, но очень скоро стала звонить просто ради собственного удовольствия, прислушиваясь к монотонному, долгому звуку. Иногда её разбирало устраивать концерт среди ночи, так что папе приходилось вставать и накрывать хулиганку коробкой.

Ещё она умела угадывать спрятанные под колпачками шарики, но больше всего ей нравилось смотреться в мамино зеркальце. При этом она почему-то разводила крылья, вертела и покачивала головой... Это могло продолжаться часами.

— Нет, где ваши глаза? Вы посмотрите, вы обратите внимание! Ну и злые же

языки у людей, а? Вот где краса-то писаная! Какие ещё слова тут нужны?! — говорила за неё мама.

Смеялись до слёз. Но ворона ни малейшим образом не смущалась.

— Она ещё и подмигивает себе, — говорил папа. — Смотри, не показывай ей косметику, а то совсем удержу не будет.

— Да уж ей только дай! — отвечали мы.

— Надо бы придумать ей какое-нибудь имя, — сказал папа на следующий день.

Мы стали думать.

— Человеческие имена нельзя, — поставил условие папа.

— Она напоминает мне какую-то цыганку, — сказала мама, — только вот лапа...

— А мне — Терминатора! — сказал я.

Ворона посмотрела на меня, приподняла свою алюминиевую ногу и стукнула ею по вазе. Сомнений не было.

— Ну что ж, значит, быть ей с этого дня Терминатором, — утвердил папа.

Между нами установились вполне даже дружеские отношения. Терминатор оказался надёжным парнем, он умел угадывать мои желания и нередко заступался за меня. Но главное — он умел играть! Опираясь на свой протез, он внимательно следил за передвижением вражеских солдатиков и после команды «Огонь!» беспощадно выклёвывал офицеров и ракетную технику, нанося непоправимый урон противнику...

Незаметно минула зима, засверкала раскалённая солнечная капель. Весна! Мой домашний приятель неожиданно переменялся, я всё чаще заставал его на окне, подолгу смотрящим в небо... Он наблюдал за полётом птиц.

Пришла пора расставания с Терминатором.

Мы стояли в саду: папа, мама и я. Терминатор прыгал с ветки на ветку, а над ним колыхалась и вопила на всю округу воронья стая. Он что-то кричал в ответ, поблёскивая своей алюминиевой лапой...

Он был явно взволнован, я никогда не видел его таким растерянным...

— Ну, давай, иди к нам, если ты такой же, как мы! — кричали ему сородичи.

— Да сейчас, сейчас... — говорил он, топчась на ветке.

— Трус! Трус! Мы тебя не знаем!.. Что у тебя за нога?!

— Я знаю, я знаю его!

— Я тоже!

— Его убили мальчишки! Его убили, убили!..

— Идиоты, — вздохнул Терминатор.

Папа протянул руку и погладил его по крылу.

— Беги от него скорее! Беги от них! — заверещали его собратья, — Тебя опять убьют! Укокошат! К нам! К нам! Скорей!..

Мне так хотелось, чтобы он посмотрел на меня в последний раз. Но он отвернулся от нас, тряхнул клювом, словно решался на что-то, и скакнул на ветку повыше. Потом взлетел на верхушку яблони...

— Пойдём, — сказал папа, — а то ему трудно так.

Мы отступили на несколько шагов к дому. Воронья карусель опустилась ниже, и скоро вся стая слетелась на яблоню, покрыла серую тучей ветки, окружила разноголосым карканьем. Я уже не мог различить его среди других, таких же, как он, ворон; в глазах рябило от множества беспокойных птиц, он совершенно смешался с ними...

И вдруг всё стихло. Птицы замерли на ветках, изредка подрагивая перьями. Сидели, то ли задумавшись, то ли ждали чего-то...

Папа вложил пальцы в рот и пронзительно свистнул.

— Ой! — мама прикрыла уши.

Стая разом вскинулась вверх и, хлопая сотнями крыл, унеслась и растаяла в воздухе...

Прощай, Терминатор!

— Эх, жаль! — качнул головой Никита, — классный был Терминатор!

— Как вы думаете, о чём рассказано в этой истории? — спросила мама.

— О дружбе, — ответила первой Настя, — а ещё о смелости и доброте.

Никита же высказался не сразу:

— Это о том, что надо бы, конечно, побить этих мальчишек, которые чуть не убили ворону. Но Терминатор всё-таки победил их, хотя они и больше его!..

— Победил вместе с любовью Игната, разве не так? — сказала мама.

— И его папы и мамы! — прибавила Настя.

Любовь побеждает — решили они. Всегда и везде побеждает любовь!

Ребята!

Если у вас появилось желание поделиться с нами своими впечатлениями о прочитанной книжке или, может быть, вам захотелось рассказать о своей семье, о своих историях и приключениях, пишите нам, Насте и Никите, по адресу:

105318, г.Москва, а/я 99

nastya-nikita@foma.ru

Мы постараемся ответить вам.

До следующей встречи!

НАСТЯ и НИКИТА

Новая литературная серия для детей «НАСТЯ И НИКИТА» предлагает вашему вниманию произведения талантливых современных авторов, проиллюстрированные в лучших традициях русского и советского книгоиздания. Книги рассчитаны на детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Рекомендуются для чтения всей семьёй.

ЧИТАЙТЕ В ДЕТСКОЙ СЕРИИ:

рассказы

сказки

стихи

биографии

знания

путешествия

Литературно-художественное издание
Серия «Настя и Никита»
Приложение к журналу «Фома»
Выпуск 2

Для старшего дошкольного
и младшего школьного возраста

Максим Яковлев
ПРОЩАЙ, ТЕРМИНАТОР!

Художник Мария Заикина

© ООО «Издательский дом «Фома»,
иллюстрации и оформление, 2009

Главный редактор *Владимир Легойда*
Генеральный директор *Игорь Мещан*
Шеф-редактор издательских проектов
Алина Дальская
Редактор детской серии *Максим Яковлев*
Арт-директор, дизайн *Анастасия Пассова*
Разработка образов
Настя и Никиты *Наталья Кондратова*
Верстка *Светлана Лукоянова*
Корректор *Наталья Фёдорова*

Подписано в печать 22.05.2009.

Формат 70x108 1/8.

Гарнитура Schoolbook. Печать офсетная.
Печ. л. 1,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 002.

ISSN 2074-2614

УДК 821.161.1 – 93

ББК 84(2Рос=Рус)6 – 44

Я 47

ПРИБРОБИТИ КНИГИ
СЕРИИ «НАСТЯ И НИКИТА»:
www.foma.ru

ЗАКАЗ КНИГ ПО ПОЧТЕ:

e-mail: podpiska@foma.ru

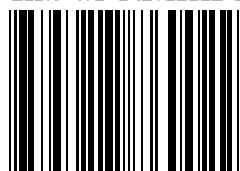
тел.: 8-800-200-08-99

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:

e-mail: andreeva@foma.ru

тел.: (499)255-96-58

ISBN 978-591786002-2

9 785917 860022